

Кладбищенские истории

Автор:

[Борис Акунин](#)

Кладбищенские истории

Борис Акунин

«Кладбищенские истории» – плод коллективного творчества, равноправного соавторства двух писателей, реального и выдуманного. Эссе Григория Чхартишвили посвящены шести самым знаменитым некрополям мира. Действие беллетристических детективных новелл Бориса Акунина происходит на тех же кладбищах. Читателю предлагается увлекательная игра, затеянная «доктором Джекиллом и мистером Хайдом» современной русской литературы.

Борис Акунин, Григорий Чхартишвили

Кладбищенские истории

Разъяснение

Я писал эту книгу долго, по одному-два кусочка в год. Не такая это тема, чтобы суетиться, да и потом было ощущение, что это не просто книга, а некий путь, который мне нужно пройти, и тут вприпрыжку скакать негоже – можно с разбегу пропустить поворот и сбиться с дороги. Иногда я чувствовал, что пора остановиться, дождаться следующего сигнала, зовущего дальше.

Дорога эта оказалась длиной в целых пять лет. Началась от стены старого московского кладбища и увела меня очень-очень далеко. За это время многое

изменилось, «и сам, подвластный общему закону, переменился я» – раздвоился на резонера Григория Чхартишвили и массовика-затейника Бориса Акунина, так что книжку дописывали уже вдвоем: первый занимался эссеистическими фрагментами, второй беллетристическими. Еще я узнал, что я тафофил, «любитель кладбищ» – оказывается, существует на свете такое экзотическое хобби (а у некоторых и мания). Но тафофилом меня можно назвать лишь условно – я не коллекционировал кладбища и могилы, меня занимала Тайна Прошедшего Времени: куда оно деваается и что происходит с людьми, его населявшими?

Знаете, что кажется мне самым интригующим в обитателях Москвы, Лондона, Парижа, Амстердама и тем более Рима или Иерусалима? То, что большинство из них умерли. Про ньюйоркцев или токийцев такого не скажешь, потому что города, в которых они живут, слишком молоды.

Если представить себе жителей действительно старого города за всю историю его существования как одну огромную толпу и взглядеться в это море голов, окажется, что пустые глазницы и выбеленные временем черепа преобладают над живыми лицами. Обыватели городов с прошлым живут, со всех сторон окруженные мертвецами.

Нет, я вовсе не считаю старые мегаполисы городами-призраками. Они вполне живы, суетны и искрятся энергией. Речь о другом.

С некоторых пор я стал чувствовать, что люди, которые жили раньше нас, никуда не делись. Они остались там же, где были, просто мы с ними существуем в разных временных измерениях. Мы ходим по одним и тем же улицам, невидимые друг для друга. Мы проходим сквозь них, а за стеклянными фасадами новомодных строений мне видны очертания некогда стоявших здесь домов: классические фронтоны и наивные мезонины, чванные ажурные ворота и полосатые шлагбаумы.

Всё, что когда-то было, и все, кто когда-то жил, остаются навсегда.

Вам не случалось увидеть где-нибудь в густой толпе на Кузнецком Мосту или на Никольской невесть откуда взявшийся и тут же растаявший силуэт в шляпе-веллингтоне и плаще-альмавиве? А прозрачный девичий профиль в чепце с лентами-мантоньерками? Нет? Значит, вы еще не научились видеть Москву по-настоящему.

Старинные города – это совсем не то, что города новые, которым каких-нибудь сто или двести лет. В большом и древнем городе родились, любили, ненавидели, страдали и радовались, а потом умерли так много людей, что весь этот океан нервной и духовной энергии не мог взять и исчезнуть бесследно.

Перефразируя Бродского, рассуждавшего об античности, можно сказать, что предки для нас существуют, мы же для них – нет, потому что мы про них кое-что знаем, а они про нас ровным счетом ничего. Они от нас не зависят. И городу, в котором они жили, тоже не было до нас, нынешних, никакого дела. Поэтому чем старше город, тем меньше обращает он внимания на своих теперешних обитателей – именно потому, что они в меньшинстве. Нам, живым, трудно удивить такой город; он видел и других, таких же смелых, предприимчивых, талантливых, а может быть, те, умершие, были качеством и получше.

Нью-Йорк существует в том же ритме, что сегодняшние ньюйоркцы, он их современник, напарник и поделщик. А вот Рим или Париж с равнодушной снисходительностью взирают на тех, кто развесил по старым стенам рекламы «Нескафе» и стирального порошка «Ариэль». Старинный Город знает: прокатится волна времени и смоеет с улиц всю эту мишуру. Вместо шустрых человечков в джинсах и пестрых майках здесь будут разгуливать другие, одетые по-другому, да и нынешние тоже никуда не денутся – лишь переселятся из одних кварталов в другие, подземные. Полежат там несколько десятилетий, а потом сольются с почвой и окончательно станут безраздельной собственностью Города.

Кладбища в мегаполисах обычно живут недолго: ровно столько, сколько нужно, чтобы заполнить могилами выделенную под погост территорию, да еще полсотни лет, пока не вымрут те, кто приходил сюда ухаживать за надгробьями. Через каких-нибудь сто-полтораста лет поверх костей нарастет слой земли, на ней раскинутся площади или встанут дома, а на окраинах расширившегося Города появятся новые некрополи.

Мертвецы – наши соседи и сожители. Мы ходим по их костям, пользуемся выстроенными для них домами, разгуливаем под сенью посаженных ими деревьев. Мы и наши мертвые не мешаем друг другу.

Под Парижем несколько лет назад было обнаружено целое царство кадавров – катакомбы, где лежат миллионы и миллионы прежних парижан, чьи останки были некогда перенесены туда с городских кладбищ. Любой может доехать до

станции Данфер-Рошро, спуститься в подземелье и обозреть бескрайние ряды черепов, представить собственный где-нибудь в уголочке, в семнадцатом ряду сто шестьдесят восьмым слева и, возможно, внести некоторую корректировку в масштабирование своей личности.

Но возможность заглянуть в земные недра, где поселились жившие прежде нас, – это редкость. Парижанам, можно сказать, повезло. Чаще местом встречи с предшественниками для нас становятся чудом сохранившиеся старые кладбища, островки сгустившегося и застоявшегося времени, где давно уже никого не хоронят. Последнее условие обязательно, потому что разрытая земля и свежее горе пахнут не вечностью, а смертью. Этот запах слишком резок, он помешает вам уловить хрупкий аромат другого времени.

Если хотите понять и почувствовать Москву, погуляйте по Старому Донскому кладбищу. В Париже проведите полдня на Пер-Лашез. В Лондоне съездите на Хайгейтское кладбище. Даже в Нью-Йорке есть территория остановившегося времени – бруклинский Грин-Вуд.

Если день, погода и ваше душевное состояние окажутся в гармонии с антуражем, вы ощутите себя частицей того, что было прежде, и того, что будет потом. И, может быть, услышите голос, который шепнет вам: «Рождение и смерть – это не стены, а двери».

Старое Донское кладбище

(Москва)

Был да сплыл, или Забытая смерть

От действующих московских кладбищ меня с души воротит. Они похожи на кровоточащие куски вырванного по живому мяса. Туда подъезжают автобусы с черными полосами по борту, там слишком тихо говорят и слишком громко плачут, а в крематорском конвейерном цехе четыре раза в час завывает хоральный прелюд, и казенная дама в траурном платье говорит поставленным голосом: «Подходим по одному, прощаемся».

Если вас без дела, из одной любознательности, занесло на Николо-Архангельское, Востряковское или Хованское, уходите оттуда не оглядываясь – не то испугаетесь бескрайних, до горизонта пустырей, утыканных серыми и черными камнями, задохнетесь от особенного жирного воздуха, оглохнете от звенящей тишины, и вам захочется жить вечно, жить любой ценой, лишь бы не лежать кучкой пепла в хрущобе колумбария или распадаться на белки, жиры и углеводы под цветником ноль семь на один и восемь.

Новые кладбища ничего вам не объяснят про жизнь и смерть, только собьют с толку, запугают и запутают. Ну их, пусть чавкают своими гранитно-бетонными челюстями за кольцевой автострадой, а мы с вами лучше отправимся в Земляной город, на Старое Донское кладбище, ибо, по-моему, во всем нашем красивом и таинственном городе нет места более красивого и более таинственного.

Старое Донское совсем не похоже на современных гигантов похоронной индустрии: там асфальт, а здесь засыпанные листьями дорожки; там пыльная трава, а здесь рябины и вербы; там бетонная плита с надписью «Наточка, доченька, на кого ты нас покинула», а здесь мраморный ангел с раскрытой книгой, и в книге сказано: «Блаженни плачущие, яко тии утешатся».

Только не забредите по ошибке на Новое Донское, расположенное рядом, за красной зубчатой стеной. Оно поманит вас луковками церкви, но это волк в овечьей шкуре – перелицованный Крематорий № 1. А у ворот вас улыбчиво встретит каменный Сергей Андреевич Муромцев, председатель Первой Государственной Думы. Не верьте этому счастливому принцу, который, как пчелка, впитал своей жизнью (1850–1910) весь мед недолгого российского европеизма и тихо почил до наступления неприятностей, должно быть, совершенно уверенный в победе русского парламентаризма и постепенном обрастании приятными соседями – приват-доцентами и присяжными поверенными. Увы – вокруг сплошь лауреаты сталинской премии, комбриги, аэронавты и заслуженные строители РСФСР. Пройдет время, и их надгробья со

спутниками, рейсфедерами и звездами тоже станут исторической экзотикой. Но только не для моего поколения.

Нам с вами дальше, в другие ворота, увенчанные высокой колокольней. Москва, которую я люблю, похоронена там. Похоронена, но не мертва.

Впервые я почувствовал, что она жива, в ранней молодости, когда служил в тихом учреждении, расположенном неподалеку от Донского монастыря, и ходил с коллегами на древние могилки пить невкусное, но крепкое вино «Агдам». Мы сживали на деревянной скамеечке, напротив пыльного барельефа с Сергием Радонежским, Пересветом и Ослябей (он все еще там, на стену восстановленного храма Христа Спасителя так и не вернулся), закусывали азербайджанскую цикуту сладкими монастырскими яблоками, и разговор непостижимым образом все выворачивал с последнего альбома группы «Спаркс» (или что мы там тогда слушали?) на Салтычиху и с джинсов «супер-райфл» на Чаадаева.

Петр Яковлевич покоился совсем неподалеку от заветной скамейки. Потомкам его могила сообщала о человеке, который в Риме был бы Брут, а в Афинах Периклес, один-единственный факт: «Кончил жизнь 1856 года 14 апреля» — и это наводило на размышления.

Что же до Салтычихи, то на ее надгробии время не сохранило ни единого слова и ни единой буквы. Она существовала на самом деле, московская помещица Дарья Николаевна Салтыкова, замучившая до смерти сто крепостных, — вот единственное, что подтверждала могила. Но чудовища не поддаются дефиниции, устройство их души темно и загадочно, и самый уместный памятник монстру — фигура умолчания в виде голого серого обелиска, напоминающего силуэтом загнанный в землю осиновый кол.

В пяти шагах от места упокоения русской современницы маркиза де Сада из земли произрастает диковинное каменное дерево в виде сучковатого креста – масонский знак в память поручика Баскакова, умершего в 1794 году. Никакой дополнительной информации, жаль.

Надписи и неуклюжие стихи на могилах – чтение увлекательное и совсем не монотонное. Это не что иное, как попытка материализовать и увековечить эмоцию, причем попытка небезуспешная – скорбящих давно уж нет, а их скорбь вот она:

«Покоится здесь юноша раб божий Николай.

От мира и забот его призвал Бог в рай».

(От безутешных родителей почетному гражданину отроку Николаю Грачеву.)

Или совсем нескладно, но еще пронзительней:

«Покойся милый прах в земных недрах,

А душа пари в лазурных небесах,

Но я остаюсь здесь по тебе в слезах».

(Уже не прочесть, от кого кому.)

Но любимая моя эпитафия, украшающая надгробье княжны Шаховской, не трогательна, а мстительна: «Скончалась от операции доктора Снегирева».

Где вы, доктор Снегирев? Сохранилась ваша-то могилка? Ох, вряд ли. А тут, на Старом Донском, вас до сих пор поминают, пусть и недобрым словом.

Двадцать лет назад, когда я приходил сюда чуть не каждый день, мало кто заглядывал на это заросшее, полузабытое кладбище. Разве что гурманы москвоведения приведут гостей столицы, чтобы попотчевать их главной

кладбищенской достопримечательностью – черным бронзовым Христом, вытянувшимся в полный рост в нише монастырской стены. У ног Спасителя уже тогда не переводились свежие цветы, а меня этот во всех отношениях замечательный памятник русского модерна совсем не трогал – очень уж изящен и бонтонен.

Грешен – не люблю достопримечательностей. Очевидно, оттого, что они слишком отполированы взглядами, про них и так всё известно, в них нет тайны. На указателях Донского могильника можно найти некоторое количество известных имен: историк Ключевский, поэт Майков, архитектор Бове, казак Иловайский 12-ый, но абсолютное большинство здешних покойников ничем себя не прославили. Славных да громких в ту пору хоронили в Петербурге, а здесь Москва, провинция. пышность отдельных надгробий не должна вас обманывать – это свидетельство богатства, но не жизненного успеха. Бог весть сколько неудавшихся карьер и ненасытившихся честолюбий похоронено на Старом Донском. Глядишь на все эти облупившиеся гербы да полустершиеся титулы и вспоминаешь датского короля Эрика Достопамятного, от которого осталось лишь звучное прозвище, а почему современники считали его таким уж достопамятным, история как-то не запомнила.

Мои избранники никому кроме меня не нужны. Их имена не гремели, пока они жили, а когда умерли, то кроме камня на могиле в этом мире ничего от них не осталось. Девица Екатерина Безсонова 72 лет от роду, скончавшаяся 1823 года пополуночи в 8-ом часу, и статский советник Гавриил Степанович Карнович, отлично-добродетельно истинно по-христиански всегда живший, завораживают меня загадкой своей исчезнувшей жизни. Лаконичнее всего это ощущение выражено в хайку Игоря Бурдонова «Малоизвестный факт»:

Все они умерли —

Люди, жившие в Российском государстве

В августе 1864 года.

Они и в самом деле все умерли – говевшие, делавшие визиты, читавшие «Московские губернские ведомости» и ругавшие коварного Дизраэли. Но на Старом Донском кладбище меня охватывает острое, а стало быть, безошибочное чувство, что они где-то рядом, до них можно дотянуться, просто я не знаю, как поймать ускользнувшее время, как зацепить тайну за краешек.

Он, этот краешек, совсем близко – кажется, еще чуть-чуть и ухватишь. Близок локоть...

И я сочиняю романы про XIX век, стараясь вложить в них самое главное – ощущение тайны и ускользания времени. Я заселяю свою выдуманную Россию персонажами, имена и фамилии которых нередко заимствованы с донских надгробий. Сам не знаю, чего я этим добиваюсь – то ли вытащить из могил тех, кого больше нет, то ли самому прокрасться в их жизнь.

Губы-раз, зубы-два

Пару лет назад в Москве пропал человек. Без вести. Дело небольшое, у нас в столице, согласно статистике, ежегодно исчезает до трех тысяч граждан обоего пола, но этот был не бомж и не склерозная старушка, а капитан милиции, слушатель криминологического факультета Правоохранительной академии МВД. Анкетные данные такие: Николай Виленинович Чухчев, русский, 1970 года рождения, награжден медалью «За отличие в охране общественного порядка».

Когда Чухчев не явился ночевать в общежитие, чего с ним никогда прежде не бывало, а на завтра без уважительной причины пропустил занятия, в академии забеспокоились. Все-таки офицер милиции. Мало ли что. Собирались объявить в розыск, но в это время начальнику поступила секретная рекомендация Откуда

Следует: слушателя Чухчева не искать, шума не поднимать, и домыслов строить тоже не посоветовали. Потому что Государственная Тайна.

Раз Государственная Тайна, делать нечего: исключили капитана из списков, место в общежитии отдали другому офицеру, а вещи личного пользования сложили в чемодан и убрали в кладовку, потому что близких родственников у Чухчева не имелось.

В общем, жил человек – и, как говорится, ушел под воду без всплеска, растворился без осадка. А человек, между прочим, был особенный.

То есть, безусловно, все люди особенные. Со стороны оно, может, и не всегда видно, но это сто процентов. Каждый в глубине души про себя знает, что он совсем не такой, как другие. Николай это тоже признавал, но в отличие от большинства людей были у него на то кое-какие объективные причины. Возможно, не такие уж объективные, а просто случайность, однако сам он в своей особости не сомневался и младшему лейтенанту Лисичкиной, которая в последнее время ему очень нравилась, говорил: «Я верю в свою Звезду».

Особость состояла в том, что Чухчев был Человеком, Который Находит Клады. Правда, пока что клад ему попался всего однажды, но зато в возрасте, когда формируются ориентиры – в четырнадцать лет.

В городишке, где рос Колька, была заброшенная штольня. Во время войны немцы там держали склад, а когда отступали, всё к черту перезаминировали. Нашим потом возиться было лень и незачем – посадили железную дверь, чтоб пацаны не лазили, навесили щит с черепом и надписью «Посторонним вход воспрещен», да и забыли. Сорок лет дверь ржавела-ржавела, а потом как-то утром Колька идет с речки – вдруг видит: замок с петель сам собой свалился, и в щелку видать черную пустоту.

Парень он был любопытный и не робкого десятка. Полез. Думал, может, каску немецкую добудет или, если повезет, рожок от «шмайссера». Те же мины, если их осторожненько вынуть и аккуратненько разобрать, очень могут пригодиться для рыбалки.

По всему следовало Кольке в этой гиблой штольне подорваться, но здесь-то и проявилась его Звезда. Это благодаря ей он не зацепился ногой за усик

выпрыгивающей «SMi-35», не наступил на пружину бетоннометаллической «Шток-мине», а вместо этого нашел в полусгнившем снарядном ящике небольшую, так примерно тридцать на сорок, коробку, всю набитую золотыми украшениями. Должно быть, припрятал какой-нибудь полицай до лучших времен, а вернуться за кладом у гада не получилось.

Будь Колька Чухчев умудренней годами и жизненным опытом, он никому бы о своей находке не рассказал, попробовал бы толкнуть золотишко без шума, малыми порциями, но какой с мальчишки спрос? Нахвастал, раззвонил на весь город.

Короче, коробку забрали в милицию, про героического Кольку написали в газете, дали ему похвальную грамоту и вознаграждение, согласно закону: четверть госстоимости по цене золотого лома, 784 рубля с копейками. Он купил себе мопед «Верховина» и чехословацкий спиннинг, а остальное отдал матери.

Такой вот уникальный случай произошел с Чухчевым в подростковом возрасте.

Тогда же определился у него и выбор в плане жизненного пути. Решил Коля, что станет сотрудником правоохранительных органов. Во-первых, пускай и дальше у него всё будет по закону. Во-вторых, милиционеру можно туда, где посторонним вход воспрещен, а клады, как известно, водятся только там, куда абы кого не пускают. Ну а в-третьих, не в шахтеры же идти.

В дальнейшие годы Чухчев существовал вроде бы обыкновенно: служил в армии, учился в милицейской школе, женился-развелся, трудился в паспортном столе, выбился в московскую академию, однако всё это была внешняя жизнь, неглавная. Суть же состояла в том, что Николай глядел в оба. Нужно было не облажаться, когда Звезда выведет его к Настоящему Кладу. И Чухчев верил, что не облажается.

Учиться в академии капитану нравилось. Не только потому, что через нее открывался путь к служебному повышению и даже, может быть, к переводу на постоянную работу в столицу либо ближе к Подмосковию, а потому, что академия располагалась на территории бывшего монастыря, в самой старинной части Москвы. Судя по увлекательной книжке «Подземные клады Белокаменной», земля тут была буквально изрыта тайными ходами и сusernameами, в которых москвичи прятали свое добро то от татар, то от поляков, то от

французов, то от коллег-предшественников капитана Чухчева. Взять хоть этот самый монастырь имени отсековнения головы Иоанна Предтечи. До 1918 года здесь квартировали монахини. Барыни и купчихи ради спасения души дарили им золотые оклады для икон, пудовые серебряные подсвечники и прочие ценные предметы церковного обихода. Когда советская власть придумала передать недвижимость, очень кстати огороженную каменной стеной, в ведение ЧК – ОГПУ, монастырь прикрыли. Пришли за драгметаллами – а ни черта нет: одни голые стены. Попрятали куда-то монашки всё свое добро.

Спрашивается, куда? Не по улицам же революционной столицы таскали они золото-серебро?

Здесь оно где-то, родимое, чувствовал капитан, присматриваясь к келейному корпусу, где раньше была тюрьма, а теперь склад учебных пособий. Или здесь (это он думал уже про обветшавшую церковь, что стояла на крепком, глубоко осевшем фундаменте).

В общем, нельзя сказать, чтобы всё произошло совсем уж случайно. Кто знает, куда смотреть, рано или поздно увидит то, что хочет увидеть.

Короче, восьмого декабря, в полвторого дня, в перерыве между занятиями, прогуливался Николай возле храма. Жевал бутерброд с колбасой, пил сок из пакета, глазел по сторонам – всё как обычно.

Вдруг видит, двое рабочих у самой стены траншеею роют – кабель класть. Подошел, стал смотреть. Сообразил: ага, это они из-за оттепели, торопятся, пока земля снова не задубела. Надо сказать, что в том декабре оттепель была просто невиданная: снег весь потаял, в отдельных районах города столбик термометра днем поднимался до десяти градусов Цельсия.

Капитан следил, как лопатные штыки входят в рыжую почву, и сердце у него колотилось быстрее обычного. Он представлял, как из-под комьев глины покажется черная крышка сундука или шоколадный бок кувшина. Чуть-чуть, самый краешек. Тут, пока работяги не заметили, Николай крикнет: «А ну, валите отсюда, здесь копать нельзя, режимный объект». Они пойдут за бригадиром или кто там у них, он быстренько спрыгнет в яму, и...

Дальше домечтать Чухчев не успел, потому что лопата противно скрежетнула – вроде бы по фундаменту церкви, но звук показался капитану не каменным, а железным.

И точно: из земли торчал ржавый угол, на котором явственно просматривалась заклепка. К белокаменному поду церкви был не то прислонен металлический щит, не то – спокойно! – это торчала верхушка засыпанной двери.

Николая кинуло в пот. А рабочие знай машут себе лопатами, даже не оглянулись.

Здесь Чухчев проявил волевые качества, отмеченные и в его служебной характеристике: дождался, когда копальщики уйдут обедать, хотя самого прямо колотило от нетерпения.

Соскочил в канаву. Поскреб дощечкой. Точно – дверь. До самого верху завалена всякой дрянью: щебенка, гнилые щепки, куски штукатурки. Похоже, нарочно вход маскировали.

Николай подобрал лопату, быстро-быстро раскидал мусор, примерно на полметра вглубь.

Потом взял лом, сунул в щелку, навалился. Из прорехи потянуло сладковатой затхлостью. Именно так должно было пахнуть Место, Где Спрятан Клад.

Капитан засыпал всё обратно, сверху для верности еще понакидал земли. Теперь требовалось дожидаться ночи, когда во дворе будет пусто.

Пока не закрылась проходная, Чухчев сбегал в общежитие. Переоделся в старую форму, которой теперь пользовался только для практических занятий типа учебной облавы в бомжатнике, натянул кирзачи, сунул в сумку саперную лопатку и хороший фонарь «Туса» – товарищи подарили на тридцатилетие, для ночной рыбалки.

До вечера потерся в учебном корпусе, потом двинулся к выходу, вроде как со всеми, однако по дороге свернул в сторону и вдоль стенки, вдоль стенки, на хоздвор.

Промаялся в глухом углу, забравшись в кабину списанного «зила», до одиннадцати, и лишь когда на территории стало совсем тихо, приступил к делу.

За часы ожидания энергии в капитане накопилось столько, что полутораметровую яму он вырыл минут за пятнадцать. Старинная дверь обнажилась полностью. Была она хоть и поеденная ржавчиной, но крепкая, не то что штольненская, халтурного послевоенного производства. Однако Чухчев и эту уделал в пять секунд – так рванул створку, что она чуть с петель не слетела.

Пригнувшись, шагнул в темноту, прикрыл за собой дверь и лишь тогда включил «Тусу».

Увидел под ногами ступеньки. Спустился – и хорошо спустился, метров на семь-восемь. В подвал (или, если по-историческому, «подклет»), который под церковью, Чухчев уже раз наведывался, однако ничего интересного там не обнаружил – только пыльные полки с архивной канцелярией. Но подземелье, в которое он попал теперь, явно находилось ниже.

Луч пошарил по клочьям паутины на сводчатом потолке, по грязно-белым стенам, по битому кирпичу на полу.

Тихо было до того, что капитан отчетливо слышал стук собственного сердца.

Спокойно, Коля, сказал себе Чухчев, не гони волну. Раз вход сюда засыпали, значит, было чего прятать. Будем искать. Согласно установленному порядку произведения обыска замкнутого помещения – от угла и по часовой стрелке, метр за метром.

Стенка, с которой было решено начать досмотр, капитана озадачила. Она была вся в мелких выбоинах, очень знакомого вида. Приглядевшись, Николай понял: следы от пуль, револьверных или пистолетных. Сначала удивился, но когда заметил на полу, в пушистой пыли, россыпь ржавых гильз, загадка объяснилась.

Ёлки, это ж расстрельный подвал. Раз в монастыре была чекистская тюрьма, то, конечно, чистые руки – горячее сердце мочили тут врагов революции. В те времена особо не церемонились, условно-досрочными не баловали. Теперь понятно, почему подвал закупорили и дверь завалили.

Ужас как разочаровался капитан Чухчев.

Ну и, конечно, не по себе стало. Человек он был не то чтобы нервный или впечатлительный, но по-своему чуткий. Не в смысле сентиментальности, а в смысле остроты чутья. Когда столько лет высматриваешь вокруг тайные, одному тебе заметные знаки, эта мистика даром не проходит.

И слышались Николаю типа крики, стоны, эхо выстрелов, даже вроде как матюгом шумнуло. Он уж хотел уносить ноги из этой поганой ямы, да Звезда не пустила. Шепнула на ухо: загляни-ка, Коля, вон в тот дальний угол.

Чухчев прогнал из психики несуществующие звуки и двинулся в указанном направлении.

Там, в углу, было очень нехорошо. Капитан затруднился бы объяснить, откуда у него возникло такое ощущение, но по коже пробежали мурашки.

Ну, стена, осветил фонарем Николай, пытаюсь уразуметь, в чем дело. Ну, плесень. Мышиный помет. Скорее, крысиный – больно катышки здоровые.

Издали донеслось «бом-бом-бом» – это часы на монастырской колокольне начали отбивать полночь.

Чухчев потер пальцем под усами, потом по передним зубам – была у него такая привычка, если сильно над чем-нибудь задумается.

– Губы-раз, зубы-два, – донесся вдруг из стены тихий, но отчетливый шепот.

И еще какое-то бормотание, почти совсем неслышное.

– А? – спросил капитан, отшатнувшись.

Впереди-то ничего не было, совсем ничего!

Одна стена.

Вдруг откуда-то (из щелей в кладке, что ли?) пополз туман – не туман, дымка – не дымка, а может, это у Николая от потрясения в глазах поплыло, только видимость сделалась почти что нулевая. Воздух заколыхался, в луче взвихрились белые крошки, а потом муть рассеялась, и милиционер увидел в стене, прямо перед собой, проем, которого раньше тут не было.

– Блин, – сказал Чухчев, потому что принципиально не употреблял нецензурных выражений, и уронил свою «Тусу» на каменный пол.

Фонарь не разбился, но откатился в сторону и стал светить в постороннем направлении, поэтому кто там, в дыре, Николай не разглядел.

А там явно кто-то был.

В нос капитану шибануло кислым смрадом, обдало холодом, будто из открытого рефрижератора, и донесся свистящий шепот (вроде женский):

– Ктойта? Эй, ктойта?

– Капитан Чухчев, – строго ответил Николай, лихорадочно соображая, как бы представить свое подвальное пребывание в официальном смысле.

В общем-то, это было нетрудно. Представитель власти имеет право заходить, куда хочет, если подозревает какой непорядок. А тут безусловно присутствовал непорядок, хоть и не очень понятно, какой именно.

– Капитан Чухчев? – выдохнула тьма. – Капитан Чухчев?! Николушка, ангел мой! Пришел, сокол! А я уж не чаяла!

Говорила старуха, теперь он это точно разобрал. Во-первых, голос был надтреснутый, во-вторых, с шамканьем – вместо «капитан Чухчев» получилось «капитан Тяхчев» или даже «Тютьчев».

Холодный ветерок щекотнул Николая по щеке, вонища усилилась – кажется, старушенция решила подобраться к капитану поближе.

– Но-но, – сурово предупредил он на всякий случай и нагнулся за фонарем. – Проверка паспортного режима. Документы!

Тут, что называется, возникали вопросы. Во-первых, что за личность. Во-вторых, как попала в засыпанный подвал. Выходит, в него что, есть лаз с другой стороны? В-третьих, куда подевался кусок стены? В-четвертых, откуда старушка его по имени знает. «Николушкой» Чухчева никто не называл, даже в детстве – всё больше «Колькой», мать «Колюнчиком», а бабуля «Коликом-кроликом».

– Не признал свою Дарьюшку? – трепетал и всхлипывал голос. – Ох, ждала я тебя, ненаглядного, ох, ждала, немилосердного! Что грехов-то на душу взяла! Без разума и грех не в грех, а разум мой ты с собой забрал. Когда бросил меня, на молодую, желтоволосую променял! Всех бы их, лярв желтоволосых, в клочья разодрать, в кипятке сварить, утюгом пожечь! Да разве всех изведешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/boris-akunin/kladbischenskie-istorii>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)